УДК 316.42(571.6)”1922/1941”

Пикалов Юрий Васильевич – д-р ист. наук, профессор ФГБОУ ВПО «Дальневосточный государственный гуманитарный университет» (г. Хабаровск). *E-mail: ipiu4@mail.ru*

Yuriy Vasil’yevich Pikalov –Dr. of History, professor of FGBOU VPO "The Far-Eastern state humanitarian university" (Khabarovsk). *E-mail: ipiu4@mail.ru*

Ю.В. Пикалов
Yu.V. Pikalov

Стратегические интересы СССР на Дальнем Востоке и социально-экономическое развитие региона (1922 – 1941 гг.)

Формирование стратегических интересов страны на Дальнем Востоке было тесно связано с внутриполитическим и международным положением СССР, являлось важнейшим фактором социального развития региона. Это вопрос, прежде всего, о полноте включения региона в социально-экономическую жизнь государства. От него зависело формирование материальной базы социальной политики и главных социальных программ на дальневосточной окраине России.

Strategic interests of the USSR in the Far East and the social and economic development of the region (1922 - 1941)

Formation of strategic interests of the country in the Far East was closely connected with the internal political and the world situation of the USSR, was the most important factor of the social development of the region. It is a question, first of all, about the completeness of inclusion of the region in social and economic life of the state. Formation of material resources of the social policy and the main social programs depended on it on the Far East suburb of Russia.

Ключевые слова: *международное положение СССР, стратегия СССР, партийно-государственная политика на Дальнем Востоке, переселение, освоение природных ресурсов, развитие транспортной инфраструктуры Дальнего Востока.*

Keywords: *world situation of the USSR, strategy of the USSR, party state policy in the Far East, resettlement, exploitation of natural resources, development of transport infrastructure of the Far East.*

После Первой мировой войны государства-победители, главным образом Англия, Франция и США, создали новый режим взаимоотношений между странами, новый режим мира, основами которого являлись: на

Дальнем Востоке – Договор девяти держав, а на Западе – Версальский мир и целый ряд других договоров. Для СССР процессы, протекавшие в сопредельных странах, имели важное значение. Та модель молодого советского общества, которая образовалась в ходе революционных преобразований и Гражданской войны, была рассчитана на то, чтобы продержаться до начала мировой революции. Когда же эта перспектива отодвинулась на неопределенно долгий срок, встал вопрос о существовании советского государства в окружении враждебных стран. В этих условиях главными внутриполитическими задачами стали укрепление советской власти и развитие экономики страны. Восстановление народного хозяйства на основе НЭПа, усиление позиций и влияния правящей партии внутри страны укрепляли международное положение СССР.

В течение пяти лет, с 1921 по 1925 гг., руководство страны решало на Дальнем Востоке РСФСР принципиальные проблемы: восстановление и укрепление советской власти, возвращение КВЖД и северной части о. Сахалина, оккупированного Японией. Международная обстановка на Дальнем Востоке тех лет благоприятствовала этому.

В апреле 1921 г. в Кантоне Президентом Китая был избран Сунь Ят-Сен. С этого момента в Китае разгорается национально-освободительное движение. Между кантонским правительством и трактатными державами (США, Англией, Японией, Францией, Италией, Португалией и др.) возникли серьезные конфликты, которые отвлекали внимание последних от советского Дальнего Востока. Они стремились сохранить, упрочить и расширить свой режим не только на юге Китая, но и в Центральном и Северном Китае, где не прекращалась вооруженная борьба между различными группировками местных правителей, каждая из которых получила финансовую поддержку той или иной державы и проводила ее интересы.

В такой ситуации руководство страны могло оказать Сунь Ят-Сену только моральную поддержку, предложив заключить равноправный договор [1]. Значительные трудности встали на пути установления дипломатических отношений между советским и пекинским правительствами. Власть в Пекине переходила от одной группировки к другой. Главными были группировка У Пейфу (ставленника США и Англии) и группировка Чжан Цзолина (ставленника Японии). Основным предметом разногласий был вопрос о КВЖД. Советское правительство считало, что КВЖД является коммерческим предприятием, хотя и находящимся на территории Китая, но построенным на государственные средства России, а потому принадлежащим СССР. В качестве аргумента приводился тот факт, что подписка на акции КВЖД прошла 17(29) декабря 1896 г. без участия частных предпринимателей и фирм; весь акционерный капитал КВЖД попал в статью расходов государственной казны [1 С. 364]. Советская делегация предложила установить совместное управление дорогой. США, Франция и Япония, стремившиеся захватить КВЖД, всячески мешали подписанию договора. Лишь 31 мая 1924 г. он был подписан. После длительных переговоров 20 января 1925 г. в Пекине был также подписан советско-японский договор об

установлении дипломатических и консульских отношений, об эвакуации японских войск с Северного Сахалина и др. [1. С. 369].

В целях более точного определения стратегических интересов на Дальнем Востоке и соизмерения их с военно-политическими и экономическими возможностями страны ЦК РКП(б) в июле 1923 г. направил в регион председателя ВЦИК М.И. Калинина. 27 июля Дальревком в обращении к М.И. Калинину выражал надежду о том, что: «... Теперь... Дальнему Востоку открылась широкая возможность восстановления и развития своего хозяйства...» [2]. Во время поездки по региону М.И. Калинин сформулировал программу развития Дальнего Востока на ближайшее время: «… Развернуть, хоть отчасти отпереть заколдованный замок огромных богатств, находящихся в недрах этой огромной территории...». При этом, он подчеркнул: «... Мы должны ясно представлять себе величайшие трудности, которые стоят перед нами. Реальные средства у нас малы, минимальны, микроскопичны» [2]. Однако, за исключением военно-политической поддержки из центра, Дальний Восток для решения региональных проблем самостоятельно изыскивал ресурсы. Этими обстоятельствами объясняется и тот факт, что вплоть до 1926 г. централизованные капиталовложения на Дальний Восток не поступали [3].

В таких условиях ЦК РКП(б), СНК и ВЦИК предоставили местному партийному и государственному руководству чрезвычайные полномочия. Согласно постановлению Совета народных комиссаров СССР от 22 октября 1924 г. [4], Дальревком, обратившийся в 1923 г. во ВЦИК с ходатайством о предоставлении ему особых бюджетных прав, был наделен правом руководить бюджетным процессом в регионе (составление, исполнение бюджета ДВО в краевых органах власти) и формировать резервный фонд. Высшим краевым органам власти было предоставлено право корректировать бюджет путем передвижения кредитов внутриведомственных смет, выделения в распоряжение Дальревкома средств в резервный фонд и т. д. Фактически Дальний Восток жил «… по-прежнему своей несколько обособленной жизнью» [5].

Выступивший на XIV съезде ВКП(б) (декабрь 1925 г.) народный комиссар иностранных дел СССР Г.В. Чичерин обратил внимание на усиление противоречий, раздирающих капиталистический мир. В этих условиях, считал он, главным делом советской дипломатии являлось установление нормальных отношений с США, Англией, Францией, а также Германией, Италией и другими европейскими странами. Особую важность представляет та часть доклада Г.В. Чечерина, которая касается восточной политики СССР. В качестве стратегических партнеров СССР на Дальнем Востоке он рассматривал Китай и Японию. При этом, нарком подчеркивал, что сближение с Японией и Китаем невозможно без улаживания отношений с США, Англией и Францией. Китай был зависим от этих стран, а Япония являлась «смертельным врагом Америки» [6]. В резолюции съезда по отчетному докладу было отмечено: «… В области международных отношений налицо закрепление и расширение «передышки», превратившейся в целый период так

называемого мирного сожительства СССР с капиталистическими государствами, несмотря на то, что противоречия между этими двумя лагерями не ослабевают, а возрастают. Это обеспечивает возможность как внутреннего строительства, так и – благодаря в первую очередь экономическим сношениям с заграницей – известные возможности для ускорения этого строительства в СССР» [7]. Последняя фраза резолюции XIV съезда ВКП(б) станет более понятной, если ее увязать с Резолюцией ЦК ВКП(б) (3 – 10 октября 1925 г.) «О внешней торговле». В ней подчеркивалось, что при развитии внешней торговли надо «... заботиться об укреплении своих позиций для того, чтобы не только отражать натиск капитализма, но и использовать внешнюю торговлю в целях укрепления хозяйства СССР и ускорения социалистического строительства» [8].

Реализация стратегических интересов СССР на Дальнем Востоке требовала увеличения импорта станков, машин, оборудования и т. д. В свою очередь, без расширения экспорта за рубеж, данная задача была бы трудновыполнимой. Следовательно, в начальный период индустриализации резко возросла роль экспортных отраслей народного хозяйства СССР. Характерно, что в середине 1920-х гг. руководство страны рассматривало Дальний Восток не как регион интенсивного капитального строительства, а как источник поступления сырья и валюты от экспорта.

В июле 1925 г. И.В. Сталин писал В.М. Молотову: «… Из газет видно, что хозорганы СССР наметили уже программу строительства новых заводов. Боюсь, что начнут строить в пограничных районах без учета ряда неблагоприятных в этом отношении факторов, и потому, если прозеваем момент, невозможно будет исправить допущенные ошибки… Наш основной тыл – Урал, Поволжье, Черноземный юг (Тамбов, Воронеж, Курск, Орел и т. д.). Именно эти районы (если не считать Урал) страдают отсутствием промышленности. Между тем, именно эти районы представляют наиболее удобный тыл для нас в случае военных осложнений» [9]. Тем не менее, уже с 1926 г. в Дальневосточный край стали поступать централизованные капиталовложения. Однако они направлялись на развитие тех отраслей народного хозяйства, которые определяли лицо экспорта.

В декабре 1925 г. Президиум ВЦИК заслушал доклад Дальревкома и принял решение, обязывающее все наркоматы считать заселение Дальнего Востока первоочередной задачей. ВЦИК предложил СНК РСФСР рассмотреть десятилетний план заселения края, заявку на кредиты и на финансирование местной промышленности [10]. Началось формирование партийно-государственной политики переселения на Дальний Восток с целью освоения его природных ресурсов и развития экспортных отраслей народного хозяйства.

В 1927 г. международное положение СССР на Дальнем Востоке начинает меняться. В апреле произошла смена кабинета в Японии. На место либералов пришли агрессивно настроенные политики во главе с генералом Танака. Он сформулировал программу японских завоеваний в секретном меморандуме, предоставленном императору. Меморандум обосновывал необходимость войны с СССР: «… В программу нашего роста входит, по-

видимому, необходимость вновь скрестить наши мечи с Россией на полях Монголии в целях овладения богатствами Северной Маньчжурии. Пока этот скрытый риф не будет взорван, наше судно не сможет пойти быстро вперед» [11]. «… Усиление империалистских тенденций в лагере империалистов и угроза войны (в отношении СССР) есть один из основных факторов нынешнего положения», – отмечал И.В. Сталин на XV съезде ВКП(б) (декабрь 1927 г.) [12]. В течение 1927 и 1928 гг. появились и другие факты, свидетельствовавшие об ухудшении отношений между СССР и Китаем. Провокациям и налетам подверглись советские дипломатические миссии, консульства, предприятия КВЖД. Причем, происходило это все как на территории подвластной гоминдановскому правительству, так и на территории контролируемой пекинским правительством. В июле 1929 г. была захвачена КВЖД. Китайские войска стали нападать на советские пограничные отряды и на мирное население на советской территории.

Все это заставило советское руководство принять меры к укреплению безопасности Дальневосточных границ. 6 августа 1929 г. приказом Реввоенсовета СССР была создана Особая Дальневосточная армия (далее – ОДВА), которая в конце сентября – начале ноября совместно с Амурской военной флотилией нанесла поражение китайским частям. Во время этой операции были обезоружены 8 тыс. солдат и 300 офицеров противника [13].

Обстановка еще более накалилась, когда в сентябре 1931 г. японские войска вторглись в Маньчжурию. На Токийском процессе военных преступников генерал Мияке заявил, что «… план операций, которые должны были привести к оккупации Маньчжурии, являлся одной из важнейших составных частей общего плана операций японских войск против СССР» [14]. Реализация этого плана не заставила себя долго ждать. 30 января 1935 г. японские войска нарушили советскую границу в районе Гродеково (Приморье), но, получив отпор, вынуждены были отойти. Однако в июле – августе 1938 г. японские части захватили часть советской территории у озера Хасан, где также потерпели поражение и отошли. Мировые державы, прежде всего, США и Англия, проводили политику поддержки агрессии Японии в Северном Китае и стремились направить ее на СССР. В этих целях США оказывали помощь в укреплении Вооруженных сил Японии. В 1939 г. около 70% японского импорта из США составляли военные материалы и стратегическое сырье [15]. Осложнение международного положения на Дальнем Востоке (в совокупности с развертыванием фашистской агрессии на Западе) поставило СССР перед вероятностью ведения войны на два фронта. В связи с этим, резко возросло значение Дальневосточного региона.

Стратегические интересы СССР на Дальнем Востоке не могли быть реализованы без развития экономики, промышленности, транспортной инфраструктуры и, как следствие, социальной сферы региона.

Первый и второй пятилетние планы предусматривали для Дальнего Востока: усиленное развитие транспортной сети; создание новых отраслей производства; развитие сельского хозяйства на основе коллективизации; хозяйственное освоение новых территорий; укрепление обороноспособности

с развитием оборонных отраслей хозяйства. На эти цели Дальний Восток получил 1027 млн. руб. капиталовложений в первую пятилетку и 6350 млн. руб. – во вторую [16]. Соотношение удельного веса промышленности и сельского хозяйства резко изменилось в пользу промышленности. При этом, производство средств производства достигло 50% от общего объема промышленного производства. В тот же период были проведены изыскательные работы и разведаны значительные запасы угля, железной руды на территории Буреино-Хинганского района.

Наряду с новым строительством, происходило ускоренное развитие экспортных отраслей промышленности на основании решения XVI съезда ВКП(б). Съезд определил в качестве одной из важнейших задач «… форсирование экспорта путем усиленного развертывания ряда отраслей промышленности и сельского хозяйства, работающих на экспорт» [17]. С 1929 по 1932 гг. дальневосточный экспорт увеличился на 220,8% [18]. К началу второй пятилетки экспорт леса из ДВК в страны тихоокеанского бассейна и в Англию достиг 1 млн. $м^3$, что составило 10% всесоюзного экспорта. Добыча рыбы, составлявшая до революции 1072,2 тыс. т, возросла к концу первой пятилетки до 3275, 4 тыс. т [16]. В 1929 г. было добыто пушнины на 4844 тыс. руб., а в 1933 г.– на 8370 тыс. руб. [18].

История, как известно, складывается из множества фактов, которые кажутся их современникам весьма незначительными. Председатель экспортно-импортного товарищества «Олаф Свенсон» обратился в государственные органы Дальнего Востока с ходатайством о разрешении вывоза из Камчатки пяти пар соболей для разведения в США. Дальневосточное управление Народного комиссариата земледелия ответило категорическим отказом. Свое решение оно мотивировало следующим образом: «… Развитие соболеводства при свободных американских капиталах, с чисто американским размахом, несомненно, вытеснит русского соболя в ближайшее же время на мировых рынках и лишит государство того дохода, который оно имело в экспорте соболиных шкурок» [19]. Этот на первый взгляд малозначительный эпизод очень точно характеризует настроения того времени и интересы государства на Дальнем Востоке. Государственные интересы в расширении дальневосточного экспорта нашли свое отражение в развитии порта г. Владивостока. К концу 1920-х гг. он стоял на одном из первых мест в СССР по величине грузооборота, который в это время составил 2359 476 тонн. При этом, объем транзитных грузов достиг 74% [20]. Приведенные цифры свидетельствуют о возрастании роли Дальнего Востока в государственной экспортной политике и, кроме этого, об активизации тихоокеанской внешней торговли СССР. Помимо морских портов, возрос грузооборот главнейших речных портов Амурского бассейна – гг. Хабаровска и Благовещенска [21].

Стратегические интересы государства на Дальнем Востоке (в связи с ухудшением отношений с Китаем и Японией) потребовали коренного изменения переселенческой политики. Проблема заключалась в том, что важнейшие валютные и экспортные отрасли промышленности –

золотодобыча и рыболовство – были заполнены рабочей силой из Китая и Японии более чем на 50%. С 1926 г. контроль за переселением на Дальний Восток передается в руки Управления НКВД по Дальневосточному краю, где формируется переселенческий отдел. С 1936 г. все дело переселения на Дальний Восток переходит к УНКВД с задачей вытеснения азиатских рабочих из ведущих отраслей промышленности (вплоть до депортации) [22].

Формирование стратегических интересов государства на Дальнем Востоке в тот период сказалось на развитии его городов. В 1930-х гг. началось строительство городов. Так, г. Комсомольск-на-Амуре закладывался как база военных отраслей промышленности, г. Магадан – как центр колымского золотопромышленного района, г. Биробиджан формировался как центр промышленного и сельскохозяйственного производства, гг. Артем и Сучан – как центры угольной промышленности, г. Ворошилов (Уссурийск) – как центр пищевой промышленности и др. Наряду со строительством новых городов, получили свое развитие и старые города Дальневосточного края. Новая черта, появившаяся в эти годы, – это их социально-экономическая специализация. Город Оха стал центром нефтяной промышленности, а г. Хабаровск развивался как административный центр края и как центр машиностроения и т. д. [23].

Генезис дальневосточных городов в корне отличался от генезиса городов европейских. В Европе их образовывали крестьяне, уходившие со своих земель. Село питало город людьми. На Дальнем Востоке города создавались искусственно. Вслед за первопроходцами сюда из центра России завозили людей, которые на пустом месте строили город. Затем уже для снабжения города возникли села. Иначе говоря, города здесь создавало государство для своих целей – преимущественно военных или политических. Без государственного патронажа дальневосточные города были бы нежизнеспособны. Заселение и освоение региона было результатом государственной политики, обусловленной стратегическими интересами. Стержневым элементом таких городов являлись градообразующие предприятия, как правило, работающие на военно-промышленный комплекс. Интенсивное развитие дальневосточных городов привело к формированию их специфического социокультурного облика.

В годы второй и третьей пятилеток в регионе был осуществлен ряд грандиозных транспортных проектов. С 1935 г. было установлено регулярное движение грузовых судов по Северному морскому пути и Транссибирской магистрали, что обеспечило связь Дальнего Востока с центром [23]. Крупными транспортными проектами явились: строительство второго пути Уссурийской железной дороги (1700 км), строительство железной дороги Хабаровск – Комсомольск (351 км) и начало строительства Байкало-Амурской магистрали [23]. Развитие транспортной инфраструктуры Дальнего Востока, хотя и преследовало основную цель – укрепление военно-экономического потенциала региона, – послужило стимулом для социального развития.

Важнейшим социальным последствием возрастания стратегической

роли Дальнего Востока во внешней политике СССР было усиленное военное строительство. Основные ассигнования шли на оборонные нужды. Экономика Дальнего Востока стала приобретать милитаризованный характер [24]. В итоге, в период с создания Особой Дальневосточной армии (6 августа 1929 г.) по 1937 г. на Дальнем Востоке были сосредоточены 15 стрелковых дивизий, 3 стрелковых корпуса, 2 строительных корпуса, Тихоокеанский флот, Амурская речная флотилия; значительное число кавалерийских, танковых, артиллерийских, зенитных, авиационных и других соединений[1]. К началу 1937 г. на Дальнем Востоке находились 25% всех сухопутных войск РККА. К июлю 1937 г. советские войска на Дальнем Востоке насчитывали 83760 чел. Было принято решение направить сюда в течение 1938 г. дополнительно еще 105800 чел. [24]. В связи с резким увеличением числа военнослужащих остро встал вопрос об их продовольственном обеспечении. В марте 1923 г. был сформирован Особый колхозный корпус (просуществовал до апреля 1936 г.) в целях обеспечения населения и армии продовольствием, что позволило сократить ввоз хлеба и мяса из западных районов страны [24].

Таким образом, влияние международной обстановки на границах Дальневосточного региона СССР обусловило необходимость социально-экономического развития Дальнего Востока в 1923 – 1941 гг. В регионе шли активные процессы индустриализации, коллективизации, форсированного развития экспортных отраслей народного хозяйства. Все это оказало влияние на социально-экономические последствия как региона так и страны в целом. Формирование стратегических интересов страны на Дальнем Востоке было тесно связано с внутриполитическим и международным положением СССР, являлось важнейшим фактором социального развития региона и изменения социально-классовой структуры населения Дальнего Востока.

Литература и источники:

1. Международные отношения на Дальнем Востоке (1780 – 1945 гг.) / под общ. ред. чл.-корр. АН СССР Е. М. Жиркова. – Госполитиздат, 1951. – С. 362, 364, 369.

2. Речи М.И. Калинина на Дальнем Востоке. – Чита. – Изд-во Дальревкома. – 1923. – С. 14 – 15.

3. ГАХК. – Ф. 229. – Оп. 1. – Д. 8. – Л. 1, 6.

4. ГАХК. – Ф. 229. – Оп. 1. – Д. 70. – Л. 3 (об).

5. ГАХК. – Ф. 229. – Оп. 1. – Д. 47. – Л. 7 (об).

6. Речь народного комиссара иностранных дел СССР Г. В. Чичерина на XIV съезде ВКП(б) // Кентавр. – 1991. – Октябрь – декабрь. – С. 115 – 124.

7. Коммунистическая партия Советского Союза в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумом ЦК (1898 – 1986 гг.). Т. 3. – 9-е изд. доп. и испр. – М. : Политиздат, 1983. – С. 244.

[1] Подсчитано на основании: [24, с. 103 – 110].

8. КПСС в резолюциях. Т. 3. – 9-е изд. – С. 408.

9. Письма И. В. Сталина В. М. Молотову (1925 – 1936 гг.) : сб. док. – М. : Россия молодая, 1996. – С. 30.

10. Из истории организации КПСС на Дальнем Востоке. – Хабаровск : Кн. изд.-во, 1962. – С. 136.

11.Международные отношения на Дальнем Востоке / под общ. ред. Е. М. Жукова. – М. : Политиздат, 1951. – С. 383.

12. Сталин, И. В. Соч. Т. 10. – С. 286 – 287.

13. «Правда». – 1929. – 23 ноября.

14. «Известия». – 1948. – 19 февраля.

15. Международные отношения на Дальнем Востоке. Востоке / под общ. ред. Е. М. Жукова. – М. : Политиздат, 1951. – С. 472.

16. ГАХК. – Ф. 353. – Оп. 1. – Д. 20. – Л. 11, 12, 27, 32.

17. КПСС в резолюциях... Т. 5. – 9-е изд. – С. 411.

18. ГАХК. – Ф. 353. – Оп. 1. – Д. 85. – Л. 4.

19. ГАХК. – Ф. 137. – Оп. 10. – Д. 3. – Л. 1.

20. ГАХК. – Ф. 937. – Оп. 1. – Д. 45. – Л. 20.

21. ГАХК. – Ф. 937. – Оп. 1. – Д. 37. – Л. 4.

22. ГАХК. – Ф. 299. – Оп. 1. – Д. 8. – Л. 6.

23. ГАХК. – Ф. 353. – Оп. 4. – Д. 20. – Л. 19, 35 – 37.

24. Песков, В. М. Военная политика СССР на Дальнем Востоке в 30-е гг. XX в. Хабаровск : Изд-во ХГПУ, 2000. – С. 107, 111, 114, 106.